

УДК 177.8

А.В. Миронов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sevastopol.ua

ФИЛОСОФИЯ АЛЬБЕРА КАМЮ: ОДИНОЧЕСТВО ЧЕРЕЗ АБСУРД

Рассматривается проблема одиночества в произведениях А. Камю в контексте решения моральных и экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: *одиночество, целостный, другой, самосознание, смысл, любовь, эгоизм.*

Философия экзистенциализма, возникшая на переломе европейской истории, попыталась сформулировать новый контекст понимания основных вопросов, касающихся сущности, предназначения, смысла человеческой жизни. Утраченные иллюзии о гуманизме, духовности, красоте, разумности социального бытия послужили стимулом переосмысления ценностного каркаса европейской культуры. Две мировые войны, миллионы жертв, утверждение тоталитаризма в качестве государственной политики и как следствие утрата ценности единичной жизни в массовом сознании изменили приоритеты, утвердившиеся в философском творчестве как абсолютные положения.

Автор, обращаясь к наследию А. Камю, ставит задачей проследить логику обособления индивида от социального сообщества в XX столетии. Актуальность темы определяется апатией, равнодушием, индифферентностью к общественным процессам, наблюдаемым на постсоветском пространстве. Смена духовных парадигм инициировала ощущение ненужности, не востребованности, оставленности индивида, состояние вакуума целей жизни, идеалов, объединительных принципов. Новые вызовы времени: экологическая катастрофа, международный терроризм, геополитические войны, мировой экономический кризис обостряют самосознание, заставляя искать возможные варианты ответов. Чувство социального одиночества не позволяет конструировать совместную модель противостояния негативным перспективам. Понимание причин данного явления, используя опыт философских исследований, актуализирует предложения социальной философии, направленные к поиску объединяющих начал в современных условиях.

Идея Аристотеля о человеке, в котором доминирует коллективная составляющая, во многом определила вектор развития философского знания. Поиск максимально адекватных политических, моральных, государственных принципов, отвечающих сущности человека становится лейтмотивом развития гуманитарной сферы. Выделяются два направления – светское и религиозное. Первое стремится найти объединяющее начало через общность гражданских интересов, охватывающих государство, этнос, группу, профессию, семью, в которых реализуются общественные представления о должном, стандарты диктуемые обществом, через которые реализуется коммуникация между членами данного сообщества. Значимость этих контактов не подвергается сомнению, в противном случае ощущение общего переходит на уровень формализации и не затрагивает лично важное. Аргументация обращена к разуму человека, его способности анализировать положительные и отрицательные последствия существования в комфортном для себя социуме. Фундаментальные связи определяют самооценку посредством отношения других к совершаемым поступкам, тем самым мотивируя к общественной деятельности. Доминантой выступает неразрывность «Я» и «Мы», где личность органически встроена в систему социальной коммуникации. Концепция религиозной консолидации строится на идее Высшего, недоступного человеческому пониманию и опирается на веру, способность присущую каждому. Подчиняя себя Божественному, выполняя церковные предписания, отказываясь от своей воли, индивид получает надежду на сопричастность, любовь, руководство, милосердие. Через собственную веру осуществляется связь с другими в силу однонаправленности, совпадающих ценностей, поведенческих стереотипов, общих ожиданий. Сиюминутное, подверженное политической и государственной конъюнктуре противопоставляется вечному, неизменному. Человек получает абсолютный образец действий, в рамках которого содержится указание на апробированные возможности объединения с единоверцами, взаимодействия с социальной системой, государством. Связь с Божественным не оставляет личность наедине с собой, церковная структура, выполняя свое предназначение, должна создавать атмосферу единства как в вертикальной, так и горизонтальной ипостаси.

Разрыв человека с социальными институтами, отмечаемый в XX в., подчеркнул отказ от традиций, культивируемых европейской культурой. Гуманизм, братство, справедливость, равенство, взаимопомощь утрачивают свое прежнее содержание. Политическая нетерпимость, изгибы государственной линии, беспощадность к оппонентам, зависимость от социальной и национальной принадлежности разрушают

чувство общности с другими, идеей общей судьбы, перспективой будущего. Французский экзистенциализм пытается найти новый вектор в философском творчестве, находясь под впечатлением драматических событий 30-40 годов. Поражение в войне, коллаборационизм, движение Сопротивление, разочарование в коммунистической системе, вскрывшаяся правда о концентрационных лагерях подрывает веру в разумное начало как основу европейской философии. Внутренний мир человека предлагается рассматривать через иррациональные принципы, следовательно, взаимное существование утрачивает смысл в прежних обоснованиях. Обращение к литературному жанру позволяет передать переживание потерявшегося человека, срез эмоций, размышлений, впечатлений, восходящих от бытового к духовному.

Введение категории абсурда изменяет привычный план рассуждений и формирует принципиально новую картину человеческого сообщества.

В творчестве А. Камю социальный контекст одиночества отходит на второй план. Главным действующим лицом в понимании данной проблемы становится сам индивид во всей полноте своих проявлений. Абсурдное существование – основная мотивация борьбы с обществом, неприятие его и уход за его пределы. Мыслитель проецирует свои идеи на поле действий, эмоций, переживаний одного, отдельно взятого человека. Связи, которые связывают его с большинством, ничтожны как по своему влиянию, так и по степени прочности. Человек, признающий общество, как критерий своих поступков, пребывает в величайшем заблуждении. Избавляясь от иллюзий по мере накопления житейского опыта, приходит к печальному выводу: он один. Подобное нельзя отнести к случайности – повторяемость ситуаций, обстоятельств, личностных состояний способствует формированию вывода о тотальном одиночестве. Все, наиболее существенное для экзистенции индивида: любовь, самореализация, болезнь, смерть становятся неразрешимыми вопросами, без надежды на помощь со стороны других. Они становятся тупиком развития, так как отсутствие ясных ответов растворяет перспективу будущего, оставляя привычку выполнения определенных функций, не имеющих никакого отношения к личности. Социальность, как таковая, выступает в качестве рычага закрепления фундаментальных общественных навыков. Подобный набор установок воспитывается, прививается, утверждается как абсолютное, неизменное, то, без чего невозможно выжить, добиться успеха, стать уважаемым гражданином.

А. Камю переводит рассмотрение проблемы в иную плоскость. Используя понятие абсурда, он меняет местами общезначимое и личностное, делая акцент исключительно на восприятии жизни, дисгармонии происходящего с собственным «Я». Государство и другие социальные институты, обладая разнообразными способами воздействия от поощрения до наказания, пытаются убедить в реальности прописных истин: человек не может быть свободным от других, другие определяют правила поведения, идеи, ценности, нельзя поступать, думая только о себе. Эти положения, по мнению А. Камю, носят характер проповеди. Индивид должен принять их на веру, не сомневаться в их правильности, объективности, вечности. Только в этом случае мир в его глазах предстает разумным, логичным, закономерным. Убежденное мышление «цепляется» за данные аксиомы, считает своей главной обязанностью предлагать новые аргументы, защищающие предложенные тезисы.

Самоотречение, переходящее в самоотрицание – удел человека, ощутившего абсурд. Усомнившись в упорядоченности мира, он обречен отказываться от принципов, которые позволяли ему чувствовать себя полноценным гражданином. Социальные контакты меняют очертания жизни до осознания их бессмысленности. Они не способны уберечь человека от несчастий, внутренних проблем, не приносят счастья и радости. По своей природе они ограничивают самопроявления, принуждая к незаметности как социальному знаменателю. Разочаровавшись в одной из фундаментальных ценностей, признаваемых обществом за основу социального бытия (институт семьи, церковь, государственные интересы, материальное благополучие, социальное положение и др.), индивид оказывается в ситуации тяжелого выбора: безболезненно купировать одно из положений системы крайне сложно. Логика общественного устройства опирается на взаимозависимость и взаимовлияние положений, ставших эталоном цельности и полноты социального бытия. Обыденность снимает остроту переживаний, но сквозь нее пробиваются «проклятые вопросы» о смысле существования. «Пока я надеюсь, пока я проявляю беспокойство о принадлежащих мне истинах, или о том, как мне жить и творить, пока, наконец, я упорядочиваю жизнь и признаю, тем самым, что у нее есть смысл, я создаю препятствующие моей жизни барьеры...» [1, с. 55]. Пробужденное сознание не способно адаптироваться к прежним стандартам, начинается социальный распад личности. Человек остается наедине с собой, вне зоны воздействия общественного мнения.

Чувство одиночества перерастает отведенные социумом пределы. Опыт проживания прежней жизни не в состоянии справиться с эмоциональной атмосферой новой реальности. Для А. Камю в этом контексте самоубийство становится самым адекватным сегментом общественных отношений. В нем

концентрируется ответ всем вызовам социального мира. Писатель не отождествляет его с бегством, это самая высшая точка в понимании человеком самого себя. В ней раскрывается свобода, мужество, признание за собой права на выбор. Акт самоубийства – декларация независимости личности. Общество провозглашает жизнь высшей ценностью, оберегает, поддерживает, мотивирует индивида ее продолжительностью и комфортностью проживания. Смерть объявляется наказанием, расплатой, воздаянием. Страх заставляет укреплять коммуникацию в надежде, что она станет преградой, препятствием в ее приближении. Абсурдность убирает иллюзии, действуя вопреки установившейся традиции. Принимая подобный выход как возможность разрешения любой ситуации, человек уходит из-под контроля общества, его представления о мире и о себе становятся качественно иными, пребывают в другом логическом измерении.

Атеизм, как идейная платформа для А. Камю, – необходимая составляющая его рассуждений о связи человека и мира. Оставляя его одного, он вынужден искать точки опоры вне сверхъестественного, вне веры. Жестокость, насилие, социальная ложь, достигшие катастрофических масштабов, не позволяют признать религию фактором, спасающим от потрясений. Тяжесть существования он должен делить только с самим собой. Пустота и скука, заполняющие сознание, нуждаются не в высшем, а примитивном соучастии. Одиночество мучает своей тотальностью. Отсутствие интереса к себе и другим создает условия для капитуляции перед любой социальной системой, независимо от того, какой она носит характер. Страх диктует необходимость контактов на любых условиях от личного до государственного. Но стоит обществу вступить в полосу стабильности, он отступает и абсурд возвращается как данность, присущая человеку.

«Мыслить – значит испытывать желание создавать мир или, что то же самое, задавать границы собственному миру. Это значит, что только исходя из фундаментального разлада между человеком и его опытом, можно найти почву для согласия [1, с. 98].

Европейская цивилизация оказалась в затруднительном положении. Вера в прогресс сменилась его отрицанием, техника облегчила существование, но оказалась угрозой для миллионов, разум превратился в негативный стимул самосознания. Отрицание возможности с помощью интеллекта преодолеть противоречие человека и мира требует нахождения иных форм осмысления действительности. Творчество – способ создать особый мир, где соразмерность вымысла и реальности компенсирует недостатки жизни, трансформируя их в общепереживаемое чувство. Через творчество человек получает новую коммуникацию с разнообразием вариаций, пониманий, трактовок, тем самым, получает возможность виртуальной связи с другими, свободной от контроля со стороны общества. Эмоции, которые вызывают созданные образы, позволяют сделать вывод о сопричастности с иными участниками эстетического переживания, общностью бед и радостей, вселяет убеждение: ты не один в мире, даже если абсурд поглотил мир. Погружение в сферу искусственного, вымысла удаляет от жизни, создает иллюзии собственного пространства, где ход событий определяется фантазией, эмоциональными всплесками, необычными идеями. Читатель получает возможность воображения ассоциировать себя с героями произведения, выступать в новом виртуальном облике, претендовать на новые статусы, которые недостижимы в реальности. Уход в вымышленный мир становится одним из вариантов социального бегства, абсурд жизни заменяется абсурдом иллюзии. Он не решает возникающие проблемы, а только в состоянии частично компенсировать негативные последствия. Творчество в атеистической трактовке А. Камю моделирует схему раздвоения человека, живущего по общепринятым установкам и конструирующего себя в фантазийном контексте, последний дает ему шанс воспользоваться изначальной свободой, установить подлинные отношения с социумом.

Из всех форм сознательного сопротивления существующему порядку бунт в своей основе несет разрушение, а не созидание. Изменение социального порядка всегда обосновывалось идеей улучшения жизни большинства, утверждением справедливости, воплощением права человечества на счастье. Исторические попытки реализации новых политических концепций призывали граждан следовать чувству несогласия с настоящим в надежде на лучшее будущее. XX век ознаменовался подобными экспериментами в России, Германии, Испании и других странах. Миллионные жертвы, мировые войны, разделение мира на два лагеря, угроза термоядерной катастрофы стали итогами благих пожеланий. Доверие к политической деятельности, лидерам партий, пропаганде учений резко уменьшилось. А. Камю уверен, что нигилизм, как средство отрицания общепринятых ценностей, является фундаментом происходивших изменений в общественной жизни. Отрицая человека в его праве на самоформирование, самопредъявление, самореализацию социум ищет формы, удобные для манипулирования сознанием, конструирование субъекта управляемого, покорного, послушного. Система убеждает, пугает, наказывает, добиваясь максимального признания тех норм, без которых она не может существовать. Заставить — значит выжить, средства не имеют никакого значения, большинство убеждается великими целями,

обещаниями создания новой общности, где «братские» чувства станут стимулом коммуникации. Человеку обещается, что он окажется в кругу понимающих его людей, разделяющих личностные помыслы и чаяния.

«Что же представляет собой бунтующий человек? Это человек, говорящий «нет». Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий «да». Раб, всю жизнь повиновавшийся господским распоряжениям, неожиданно считает последнее из них неприемлемым» [1, с. 127]. Бунт вызывается нарушением пределов допустимого по отношению к индивиду. Его мировосприятие не допускает вторжения, посягательства на сверхличное, на то, что принадлежит только ему и то, что он не желает разделить с обществом. Баланс интересов нарушается и данная диспропорция видоизменяет устоявшиеся привычки, отношения, представления. С этой точки отсчета прежняя жизнь уже невозможна. Пространство, куда можно было бы вернуться, перестало существовать. Абсурд навязанного, принудительного бытия становится очевидным. В такой ситуации непримиримость к любым формам компромисса оправдана, так как ресурс примирения с жизнью исчерпан. Можно предположить, что конфликт искусственных форм социальной организации и личностных побуждений носит перманентный характер. Чувство отчуждения развивается параллельно с формированием готовности к бунту. Человек готов оказаться один, вне общества, потому что связи давно утрачены, а осознание данного факта наступило только теперь.

Бунтующий человек попадает в двойственную ситуацию. Он связан со стихией разрушения через толпу в случае коллективного протеста и у него есть возможность снять с себя личную ответственность, разделить ее с другими, скрыться в массе неперсонифицированных участников. Гнев, негодование, жажда мести, вседозволенность эмоционально объединяют в порыве к разрушению. При этом он абсолютно одинок, так как не связан ни духовными, ни социальными узами с остальными. Временность накала страстей исчерпывается, и бунтарь возвращается к себе самому. Его своеволие удовлетворено, а пласт недовольства миром остается, не получает разрешения. Деструктивность отвлекает индивида от бессмысленности происходящего, катализирует негативное. «Актуальность проблемы бунта определяется единственно тем, что сегодня целое общество стремится обособиться от священного. Мы живем в десакрализованной истории. Конечно, человек не сводится к восстанию. Но сегодняшняя история с ее распрями вынуждает нас признать, что бунт – это одно из существенных измерений человека. Он является нашей исторической реальностью. И нам нужно не бежать от нее, а найти в ней наши ценности» [1, с. 133].

Страстное начало человека противопоставляется рациональному, последнее ассоциируется с сообществом. Логика воспитания, образования, культуры построена на принципах причинной связи: хорошее поведение – залог успеха, услужливость – карьерный рост, почитание вышестоящих – стабильность и процветание, соблюдение правил – уважение окружающих. Разумность требований не вызывает сомнения, но, как правило, не затрагивается вопрос внутреннего «я», его самочувствия, тождественности предлагаемым обстоятельствам. Конструкция предполагает смирение социальное, а не религиозное. В мировых религиях инобытие – есть совершенное и абсолютное, вера опирается на эти постулаты, и в своих поучениях претендует на окончательную истину. Человеческий путь определяется следованием моральным заповедям. Внерелигиозный подход в качестве достаточного аргумента социальной логики использует житейский опыт, который, к сожалению, содержит десятки примеров несоответствия заявленных нравоучений. Формализация жизни не выдерживает столкновения с реальностью. Вносимые поправки могут оказаться толчком к бунту. Человек, возлагавший надежды на устойчивость бытия чувствует себя обманутым в своих ожиданиях. Разум фальсифицировал социальные установки, выдавая желаемое за действительное. Усилия, энергия, время, потраченные на достижения общественного признания в многообразии форм (карьера, материальный успех, исполнение долга, самосовершенствование и др.) не оправдались. Бунт становится возможностью утвердить новые правила в собственном измерении.

Бунт родственен святотатству. Человек низвергает Высшее, его действия переходят за черту морали, культуры, религии. Он отрешается от всего общезначимого, заявляя о своей тотальной свободе и безудержности. Акт вандализма – месть всем. Отсутствие дифференциации на правых и виноватых можно воспринимать как категорическое неприятие общества в целом. Чем бессмысленнее действие, тем оно приносит большее удовлетворение. Происходит упоение одиночеством. Наконец «я» получило осуществимость своей запредельности: один против всех. Безднадежность ситуации способствует эмоциональному накалу: как и в случае допустимости самоубийства, так и в разрушении святынь кощунство приобретает характер метафизической борьбы. Жертвою становится не конкретное, единичное, а всеобщее, сам мир. Мотивация бунта универсальна: ничто и никто не имеют права на существование. Раб чувствует себя господином и на этом этапе все, что напоминает о прежних

униженнях должно быть разрушено. Триада «вера, добро, красота» выступают как символы человеческого, вне ее меняется сущность индивида. Именно эти связи помогают человеку встроиться в контекст общественного, ощутить себя частью целого. Покушение на фундаментальные ценности означает окончательный разрыв с тем, что ранее представляло центр мироздания. Попытки их осквернить в глазах бунтующего человека созвучно с реваншем за «бесцельно прожитые годы». Неслучайно во время народных выступлений совершались бессмысленные и беспощадные акты (разрушение церквей, бессмысленное уничтожение имущества, неоправданные убийства), которые отсекали мятежника от общей массы протестующих, выделяя его в исключительное положение. Это и есть человек, реализовавший абсурд в полной мере.

Бунтарь не нуждается в сочувствии, понимании, сострадании, жалости. Он ничего не ждет от людей и ему ничего не нужно из того, что они могут ему предоставить. Наталкиваясь на противостояние в виде осуждения, презрения, отстраненности, не замечает его, так как восприятие себя и других исходит из различных аксиологических источников. Контакты с миром опускаются до уровня физиологических потребностей. «В этом мире, избавленном от Бога и от идолов морали, человек остался одиноким и безгосподним» [1, с. 172] Рассчитывать можно только на собственное «я», иная парадигма не сможет оправдать тотальное отрицание. Признание злом всего окружающего, в любых его ипостасях – не предполагает места исключению. В противном случае, бессмыслица обернется новым социальным ракурсом и разрушит абсурд, а вместе с ним и самого носителя. Смерть венчает пирамиду зла, это точка метафизического тупика. Самоубийство есть его разрешение, в нем объединяются вызовы Богу, людям и самому себе. Сообщество считает патологией даже размышления на эту тему. Из всех форм социального принуждения смертная казнь – последний довод, который общество применяет к несогласному. Если на личном уровне происходит трансформация страха во вполне допустимое обстоятельство, которое индивид может совершить сам, то власть общественного нейтрализована – человек стал свободным, победил абсолютную угрозу, отрекаясь от себя, он отрекается и от всего мира.

В романе «Чума» А. Камю использует прием метафоры. В силу разразившейся эпидемии в городе вводится карантин, вынужденная изоляция создает анклав граждан, лишенных внешних связей. Разорванность с миром переводит существование человека в режим автономии, который можно сравнить с искусственной моделью одиночества. Индивид предоставлен самому себе, угроза смерти устраняет прежде значимые социальные условности. «Пограничная ситуация» обостряет самосознание, отделяя подлинное от мнимого. Солидарность перед лицом опасности формируется исходя из личностного потенциала, социальные институты не способны предложить адекватную форму взаимодействия членов сообщества в сложившейся ситуации, так как утратили способы воздействия на своих граждан. Парадоксальность заключается в следующем: страх наказания, общественного осуждения утрачивает свое значение, в том случае, если смерть стала естественным сопровождением в сложившихся обстоятельствах. Тревога, разочарование, отчаяние – удел отдельно взятого человека, он может рассчитывать только на самого себя, свои силы, свою твердость. Обретение надежды зависит от мировоззренческой направленности. Девальвация общественного присутствия подчеркивает одиночество индивида, контакты сводятся к примитивному общению, т.к. выживание приобретает единственный смысл, независимый от других и тем более от социальных структур. «И наконец, в этом обострившемся до предела одиночестве никто из нас не мог рассчитывать на помощь соседа и вынужден был оставаться наедине со всеми своими заботами» [2, с. 192-193]. Рассматривая замкнутость как неизменную категорию, А. Камю не утверждает пессимизм единственным началом бытия, оставляя личности выбор самореализации. Вера, взаимопомощь, гедонизм, эскапизм, подчеркнутая нейтральность, равнодушие – ракурсы абсурда и в тоже время они могут иметь смысл в случае конкретного человека.

Представленные персонажи испытывали чувство одиночества до наступившей катастрофы, оно сопровождает их в процессе развертывания болезни, не оставляет и по ее прекращению. Пережитое не становится катализатором изменения сознания. Прежний уклад жизни, возвращаясь в свои права, не сближает граждан, разобщенность принимает характер нормы, освященной обществом. Сильные чувства, испытанные в кризисной ситуации, не находят себе места в повседневности. Абсурд, вовлекая человека в свой круг, не имеет выхода, одиночество – его составляющая.

Конфликт личности и отжившего общества (по мнению А. Камю, всякое общество в человеческой истории отжившее) носит сугубо индивидуальный характер. Способность отторгать все формы общественного насилия перерастает в разрыв социальных связей. Человек оказывается в ситуации глобального выбора: или пожертвовать своей сущностью и обречь себя на одиночество, или продемонстрировать несогласие с миром. Осознание абсурда бытия стимулирует склонность к его разрушению, бунт становится максимальным выражением протеста против несправедливости. Не

признавая никаких авторитетов, вступивший в это пространство отрицания сам себе и хозяин, и слуга. Мир замыкается в собственных пределах без Бога, общества и государства, человек остается один.

Библиографический список использованной литературы

1. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
2. Камю А. Избранное / А. Камю. — М.: Прогресс, 1969. — 543 с.

Поступила в редакцию 17.05.2013 г.

Міронов А.В. Філософія Альбера Камю: самотність крізь абсурд

Розглядається проблема самотності у творах А. Камю в контексті вирішення моральних і екзистенціальних проблем.

Ключові слова: самотність, цілісний, інший, само розуміння, сенс, любов, егоїзм.

Mironov A. The philosophy of A. Camus: loneliness through the absurd

There is the problem of solitude in the Albert Camus books in the context of moral and existential problems in this article.

Keywords: solitude, whole, another, self, sense, love, egoism.